УДК 353(470)(091)

ББК Х2(2)522

DOI 10.31554/2222-9175-2021-41-20-29

А. М. Дамешек, И. Л. Дамешек

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР ОКРАИННОЙ ПОЛИТИКИ
В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ: СИБИРСКИЙ ВАРИАНТ.
Ч. 1. СУДЬБЫ НАРОДОВ СИБИРИ В СОСТАВЕ РОССИИ

Рассматривается влияние этнического фактора на окраинную политику Российской империи, приводится характеристика этнического состава коренного населения Сибири, его расселения, изменения численности под влиянием русской колоризации.

Ключевые слова: Россия, Сибирь, колонизация, инородцы, этнодемографическая картина, изменения численности.

L. M. Dameshek, I. L. Dameshek

THE ETHICAL FACTOR OF THE FRONTIER POLICY
IN THE REGIONAL DIMENSION: A SIBERIAN VARIANT.
PART I. FATES OF THE SIBERIAN PEOPLES
AS A PART OF RUSSIA

The article examines the influence of the ethnic factor on the frontier policy of the Russian Empire and the characteristics of the ethnic composition of the Siberian native population, their resettlement, and population changes under Russian colonization.

Keywords: Russia, Siberia, colonization, indigenous dwellers, ethnodemographical situation, population changes.

Исторический нарратив Российской империи, которому в последнее время уделяется значительное внимание в современном историописании, не может быть создан путем рассказа об одном народе, минуя все многообразие этносов, проживающих на территории государства. Несмотря на то, что Российская империя давно ушла в прошлое, современная ментальность и историческая память постоянно возвращают нас во времена первых походов отрядов русских землепроходцев «за камень», положивших начало будущей Азиатской России. Сибирь стала одной из величайших территорий, которую когда-либо осваивал человек за всю свою историю. Для народов Сибири процесс вхождения в состав России означал начало новой исторической цивилизации, каждый из этапов которой имел свои отличительные черты. Регионы России в силу их исторической специфики представляли собой различные варианты имперских процессов, что порождало поливариантность имперской идеологии и имперской практики в региональном измерении [Ремнев 2001: 317].

Существенное влияние на формирование и развитие имперских процессов в регионах оказывали не только субъективные, но и объективные факторы –

ДАМЕШЕК Лев Михайлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России исторического факультета Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Россия). E-mail: levdamshhek@gmail.com.

ДАМЕШЕК Ирина Львовна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России исторического факультета Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Россия). E-mail: dameshek@rambler.ru.

этнические и природно-климатические особенности территорий. Действие этнического фактора всегда имеет определенную временную, т. е. историческую, и в то же время географическую локализацию.

Образование Российской империи проходило на протяжении длительного времени и не было результатом стихийно действующих обстоятельств. Одним из наиболее характерных явлений этой многовековой истории стал процесс «собирания земель». Термин «собирание земель» вполне применим для оценки правительственной политики по расширению территории не только эпохи образования единого Российского государства, но и более позднего периода. Он довольно активно используется в исторических исследованиях последних лет [Агеев 2002; Миронов 1999: 26; Каппелер 2000: 1–12].

В Европе период складывания единых государств ознаменовался резким усилением борьбы за новые земли. Существующее до сих пор Британское содружество или, к примеру, Франция с ее заморскими департаментами являются в известной мере наследниками этой борьбы. Не являются исключением и США, территория которых создавалась не только в результате подписания договоров с индейскими племенами, но и путем откровенного насилия, военной экспансии. Сопоставляя процесс формирования территориальных границ на примере европейских государств, США и России, нельзя не прийти к заключению о том, что зачастую сложно отделить понятие «экспансия как насильственное присоединение земель» от мирной колонизации, и прежде всего земледельческого освоения, хозяйственного вовлечения в оборот новых территорий. На практике эти процессы тесно переплетались и усиливались интеграционной политикой, направленной на скорейшую ассимиляцию новых территорий с «основным» историческим ядром государства. Поэтому колонизация – отнюдь не всегда насильственное завоевание. Исследователь истории российской имперской государственности Н. И. Цимбаев обоснованно отмечает, что российская колонизация – «это есть хозяйственное и культурное освоение новых территорий, включение народов, там обитающих, в орбиту влияния европейской цивилизации. Не случайно издавна наиболее чтимым святым на Руси был ... Никола Угодник, покровитель путешественников и торговцев» [2004: 15]. Однако несомненно, что способы приобретения государством тех или иных территорий оказывали немаловажное влияние на выстраивание впоследствии политической линии взаимоотношений «центра» и «периферии».

Территориальная экспансия России на всех этапах ее истории в первую очередь объяснялась геополитическими факторами, связанными со стремлением обеспечить прочность границ государства. Разумеется, в этом колонизационном движении присутствовали и экономические мотивы. Однако трудно не согласиться с авторами «Истории XIX века» под редакцией профессоров Лависса и Рамбо [1938б: 594], с российским историком Б. Н. Мироновым [1999: 26–27], швейцарским исследователем А. Каппелером [2000: 21–22] и другими, которые хотя и по-разному, но в принципе выражают одну и ту же мысль: в российской внешней экспансии преобладали стратегические внешнеполитические, а не экономические мотивы. Вслед за военной экспансией российские власти начинали властное, в первую очередь политико-административное, освоение новых территорий, затем наступала очередь экономической интеграции. Это было одно из проявлений взаимосвязи между внутренней и внешней политикой, присущей каждой стране на любом этапе ее истории [История XIX века 1938а: 14].

К осени 1917 г. российская монархия представляла собой унитарное централизованное государство, единство которого обеспечивалось и олицетворялось

императором. На протяжении всей истории существования империи национальный вопрос оставался весьма сложной проблемой для правительства. Поэтому центральные власти были вынуждены учитывать национальный фактор в своей политике.

Хотя вопрос о судьбе народов Сибири в составе России и становился объектом изучения ученых, имперский ракурс подхода к проблеме позволил вписать его в новые властные отношения, показать его значение в колонизационных проектах русской нации в плане инкорпорации Сибири в Россию, а в конечном итоге по-новому высветить тезис «сделать народы Сибири русскими», показать новые формы сотрудничества представителей власти и сибирского, в т. ч. и инородческого, общества в деле освоения и интеграции восточных территорий. В качестве рубежа этого процесса следует выделить середину XV–XVI в. – время, когда произошли резкие изменения политического порядка Евразии. В данном случае подразумевается падение империй Византии и Золотой Орды. Именно эта постимперская ситуация представляла собой исходный пункт для возникновения Российской империи [Каппелер 2004: 94–115]. Второй немаловажной составляющей рассматриваемой проблемы явилось взятие Казани в 1552 г. Московское государство впервые включило в свой состав Казанское ханство – вполне суверенное государство с неславянским и нехристианским населением. Не случайно взятие Казани некоторые исследователи считают отправной точкой расширения границ России [Лысенко 2001: 138]. Однако определяющим, в терминологическом смысле, этапом возникновения Российской империи явилось правление Петра Великого. Для Петра, который в 1721 г. принял титул императора, завоевание новых земель представлялось естественной обязанностью монарха, не нуждающейся в каких-либо оправданиях. В результате активной внешней политики к началу XIX в. Российская империя заняла одну шестую часть суши. За изменениями на административной карте России стоял процесс ее внутреннего строения. В силу вариативности геополитических характеристик окраинных территорий имперские процессы не могли протекать в них по единой, унифицированной схеме. В конечном итоге это обстоятельство обусловило столь длительное, вполне устойчивое положение империи в целом. Именно мобильность, поливариантность управленческих моделей в различных регионах (окраинах) являлась мощным стабилизирующим фактором для Российской империи. Под окраинами Российской империи в данном исследовании понимаются территории Восточной Европы, Кавказа, Сибири и Дальнего Востока, Средней Азии, присоединенные к России с 1552 до 1905 г., не принадлежавшие к зоне формирования великорусского этноса на Восточно-Европейской равнине. Окраины различались по уровню социально-экономического и политического развития, социокультурному, в т. ч. религиозному, строению, по национальному составу. Территориальные рамки публикации охватывают всю Сибирь, т. е. территории бывших Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Забайкальской и Якутской областей. Эти губернии и их население были тесно связаны между собой общностью социально-экономических и политических процессов в составе империи, социокультурными, религиозными и иными традициями. В то же время идеология компаративизма в исторических исследованиях, исповедуемая авторами, повлекла необходимость привлечения и анализа материала, относящегося не только к Сибири, но и к другим окраинам империи. В предлагаемой читателю серии статей авторы стремились не только обобщить уже имеющиеся результаты исследования заявленной темы, но и представить новые подходы, свое видение изучения «образов Сибири» и ее населения

на протяжении значительного временного отрезка, оценить правительственную политику по отношению к народам Сибири не политическими пристрастиями, а с позиций различных ступеней власти и пространственного расположения региона.

Объектом исследования в первой статье цикла является постановка вопроса о влиянии этнического фактора на внутреннюю политику империи, а предметом – судьбы народов Сибири в составе России с точки зрения развития этнодемографических процессов и тезиса о «вымирании инородцев». Поскольку территориальная экспансия России на протяжении XVII–XX вв. своим результатом имела превращение России в многонациональную империю, а нерусское население, составляющее в начале XX в. более 55 % населения государства, проживало преимущественно на окраинах, возникла необходимость изучения в последующих статьях цикла основных направлений политики самодержавия по отношению к сибирскими инородцам под углом политического конструирования империи XVIII – начала XX в.

Ко времени прихода русских в Сибирь ее огромные, кажущиеся на первый взгляд незаселенными территории были освоены и обустроены местными народами. Но это мироустройство представляло иной тип, отличный от сложившегося в России. С появлением русских в Сибири началась перестройка системы общественного разделения труда, проникновение товарно-денежных отношений, что оказало огромное влияние на динамику и социальную структуру туземного общества, его политическую организацию, характер международных отношений в регионе.

К началу XVII в. этнолингвистическая карта Сибири включала несколько десятков лингвистических общностей численностью около 200 тыс. чел. На пространстве большем, чем вся Европа, обитало редкое население, весьма неоднородное в языковом отношении. Наиболее многочисленными были народы, говорящие на языке тюркской ветви алтайской языковой семьи. На северо-востоке Сибири, по среднему течению Лены и рекам Алдан и Вилюй, компактно проживали представители самого крупного тюркоязычного этноса – якуты. Основная часть тюркоязычных народов селилась к западу от Саянских гор. Это были предки современных тувинцев и тофаларов, которые в ранних китайских источниках известны под именем «лесных народов».

Минусинскую котловину заселяли многочисленные тюркоязычные группы, известные под названием енисейских кыргызов. Именно из них впоследствии сформировалась хакасская народность – сагайцы, бильтыры, качинцы, кизильцы. К тюркам по языку принадлежало и население, заселявшее лесостепные и таежные районы Западной Сибири, – предки омских и томских татар.

Монголоязычным было население, обитающее по берегам Байкала и долинам рек Лена, Ангара, Селенга, Баргузин. Это были племена, составившие этническую основу бурят, – эхириты, булагаты, хори-туматы. Ко времени прихода русских буряты были одним из самых больших по численности народов Сибири.

К остяцкой языковой группе принадлежали тунгусы, проживающие в таежных лесах Восточной Сибири от Енисея до Охотского моря.

На склонах Уральских гор, в нижнем и среднем Приобье жили ханты и манси, представляющие угрофинскую языковую группу сибирских народов. Иногда их называют обскими уграми, или остяками.

В дорусский период, с экономической точки зрения, аборигены освоили всю обширную территорию Сибири. В процессе ее заселения у коренного населения сложилось несколько культурно-хозяйственных типов. Патриархально-родовые

связи были присущи большинству коренного населения. Наиболее развитыми в социально-экономическом отношении в Западной Сибири были татары, в Восточной – буряты, якуты. Общий ход исторического процесса у народов Сибири был резко изменен событиями конца XVI – начала XVII в., когда они оказались включенными в состав Российского государства.

Вопрос об исторических судьбах народов Сибири в составе России имеет важное значение, будучи напрямую связанным с определением путей и методов инкорпорации Сибири и ее населения в Россию. Можно говорить как минимум о трех компонентах этого процесса: политическом, экономическом и социокультурном. Применительно к народам Сибири на первых порах процесс имперского строительства сопровождался обложением их данью (ясаком) в пользу государства. По мере втягивания аборигенов в общероссийскую систему государственных, экономических и иных связей на них были распространены и другие виды податных обязанностей, например земских, мало или ничем не отличающихся от обычного крестьянского тягла. Следовательно, и сибирские аборигены, и русские крестьяне рассматривались как подданные государства и должны были уплачивать соответствующие налоги на его содержание. Это обстоятельство принципиально отличало колонизационную политику России в Сибири от политики США по отношению к индейцам, которые не платили налоги и, в соответствии с конституцией США, не считались гражданами государства. США, продвигаясь с востока на запад, новые территориальные приобретения осуществляли путем покупки по договорам индейских земель или же путем насильственного лишения индейцев их охотничьих угодий. В России по мере ее продвижения с запада на восток правительственные указы, наоборот, требовали не допускать столкновения колонистов и аборигенов из-за земли. Московские, а впоследствии петербургские Романовы аборигенному фактору изначально отводили немаловажную роль. Характер взаимоотношений между аборигенами и русскими пришельцами оказал серьезное влияние на темпы продвижения русских к Тихому океану.

Темпы продвижения, методы освоения новых территорий, взаимоотношения с аборигенным населением в Сибири и на американском Западе существенно разнились между собой. Продвижение русских на восток сопровождалось распространением на новые территории общенационального политико-административного, хозяйственного и социокультурного уклада, «втягиванием», подчас противоречивым, но, тем не менее, в общенациональную экономическую, политическую и социокультурную систему этих народов. В США же, наоборот, складывающаяся рыночная экономика молодого государства поглощала индейские племена [Дамешек, Дамешек 2020].

Тенденция к компаративному анализу методов колонизации Сибири с колониями западноевропейских стран: Канадой, Австралией, Алжиром и др. – наметилась еще в XIX в. По мнению английского исследователя Р. Джефферсона [Jefferson 1897: 25], французского экономиста К. Оланьона [1903: 5, 76–77, 250], американца Р. Глейнера [1906: 9–10] и др., в основу колонизации Сибири русское правительство положило те же принципы, что и Англия в отношении Канады.

Сибирь для России имела точно такое же значение, как Алжир для Франции или Канада и Австралия для Англии. Могучая волна русских переселенцев буквально сметала туземные племена, которые не могли оценить природного плодородия своих земель. Именно русская колонизация придала ценность землям Северной Азии. В силу своей неразвитости аборигены ничего не могли перенять у русских. В Сибири, как и в Канаде или Австралии, масса европейских переселенцев буквально поглощала «самые жизненные элементы туземного общества», а остальные вы-

теснялись в районы Крайнего Севера, где и вымикали. Этот тезис оказал влияние и на представителей русской общественной мысли, получивших название сибирских областников.

Областничество как одна из форм общественного движения и мысли в России 2-й половины XIX – начала XX в. характерно не только для Сибири. Определенные его проявления можно наблюдать и в других регионах России. Однако именно за Уралом, в связи с постановкой и обсуждением вопроса о месте и статусе Сибири в составе империи, областничество получило наибольшее развитие и значение. «Инородческий вопрос» занимал важное место в системе областнических доказательств колониального положения Сибири, а краеугольным камнем этой системы был тезис о вымирании сибирских аборигенов как следствии присоединения их к России. Наиболее остро он был поставлен Н. М. Ядринцевым [1891: 203, 210, 211; 1892: 150, 159, 189], Г. Н. Потаниным, И. И. Серебренниковым, П. М. Головачевым и др.

По мнению Н. М. Ядринцева, в правительственной подходе к «инородческому вопросу» можно отчетливо наблюдать эволюцию от прямых методов военного истребления до вовлечения в сферу совместной с русским населением хозяйственной деятельности. В основе этой эволюции, по Ядринцеву, лежали фискальные мотивы. Однако, по мнению идеолога областничества, русское население во взаимоотношениях с «инородцами» руководствовалось исключительно корыстными побуждениями. Поэтому русские не могли принести в Сибирь ничего положительного, наоборот, аборигены погибали от соприкосновения с русской цивилизацией. И. И. Серебренников, вслед за Н. М. Ядринцевым, также писал о пагубном влиянии русской государственности на аборигенов, акцентируя внимание на их обрусении и сокращении численности. Примерно такой же подход к изучению исторических судеб народов Сибири в составе России содержится в трудах М. П. Головачева. Признавая некоторое положительное влияние русского крестьянства на народы Сибири, Головачев вместе с тем подчеркивал, что эта сторона с лихвой перечеркивается отрицательными последствиями прихода русских в Сибирь. Важнейшим проявлением этого процесса он считал вымирание аборигенов. Иной подход к демографическим проблемам аборигенов содержится в трудах Н. Н. Козьмина, который считал принципиально неверным в любом факте сокращения численности аборигенов видеть процессы вымирания. По его мнению, материалы ревизий и переписей «инородцев» на протяжении всего XIX – начала XX в., наоборот, свидетельствуют об увеличении численности бурят, якутов, хакасов, татар. В то же время Н. Н. Козьмин указывал на получившие значительное распространение на рубеже веков факты метисации и обрусения аборигенов, проходивших при прямом участии государства* [Дамешек 2018: 31–112]. На протяжении всего рассматриваемого периода происходит рост численности коренного населения: с 1795 по 1897 г. оно увеличилось более чем в 2 раза – со 183 тыс. душ м. п. до 413 тыс. Однако в результате интенсивного притока пришлого, главным образом русского, населения, численность которого за этот же период с 412 тыс. душ м. п. возросла до 2,3 млн, т. е. в 5,6 раза, наблюдается падение удельного веса аборигенного населения с 30 % в 1795 г. до 15 % в 1897 г.

Наиболее быстрыми темпами коренное население росло в Иркутской губернии. С 1795 по 1897 г. оно увеличилось со 127 тыс. душ м. п. до 309 тыс., т. е. в 2,4 раза. За этот же период количество аборигенов Томской губернии возросло в 2 раза, в Тобольской – в 1,6 раза. Главной причиной роста численности большинства народностей и этнографических групп следует считать распространение между

* Подробный анализ историографии по этому вопросу см.: [Дамешек 2018: 31–112].

аборигенами земледелия, возрастание оседлости, происходившие под влиянием русского крестьянства и правительственной политики. Эти процессы протекали быстрее в районах более интенсивного общения аборигенного и русского населения. Приросту аборигенного населения способствовало и соотношение мужского и женского полов, которое у коренного населения в принципе не отличалось от русского. В Томской губернии от количества коренных жителей мужского пола женщины составляли 97,9 %; в Енисейской – 95; Иркутской – 94,6; Забайкальской области – 90,3 %.

Распределение коренного и пришлого населения по округам сибирских губерний было неравномерным. В силу исторических особенностей ведения хозяйства и быта абсолютное большинство аборигенов проживало в сельской местности. В Тобольской губернии основная масса хантов и манси (около 73 %) проживала в северных Березовском, Сургутском и частично в Тобольском округах. Значительную часть коренного населения губернии составляли татары, проживающие в одноименном округе.

В Томской губернии наиболее высокий удельный вес коренного населения отмечался в Бийском округе – 13 %. В остальных округах он колебался от 1 % (Барнаульский) до 5–6 % (Кузнецкий) общей численности народонаселения. В Енисейской губернии по количеству проживающих аборигенов – ненцев, эвенков выделялся Туруханский край – 71 % жителей. В Минусинском и Ачинском округах, аборигенное население составляло соответственно 16 и 8 % общей численности народонаселения. В Иркутской губернии наиболее высоким удельным весом аборигенного населения – 20 % выделялся одноименный округ. В Забайкальской области коренное население составляло примерно третью часть всех жителей. Большая часть аборигенов-бурят проживали в Селенгинском (61 %), Баргузинском (51 %) и Читинском (44 %) округах. Кроме бурят значительную часть населения области составляли эвенки, в 1897 г. их насчитывалось 16,6 тыс. душ обоего пола. В Якутской области коренное население (якуты и эвенки) составляло абсолютное большинство жителей – от 76 до 98 % во всех округах, кроме Олекминского.

Среди аборигенов наиболее многочисленной народностью были буряты. По переписи 1897 г. их насчитывалось 288,6 тыс., или более 35 % всей численности коренного населения. За бурятами по численности следовали якуты – 226,7 тыс. (27,55 %), далее алтае-саянские народы (алтайцы, хакасы) – 108,7 тыс. (13,21 %), эвенки – 64,5 тыс. (7,84 %), сибирские татары – 53 тыс. (6,44 %), ханты и манси – 27,7 тыс., ненцы – 9,4 тыс. и др. Некоторые малые народности, например тофалары, проживающие на границе Нижнеудинского и Иркутского округов, не превышали 400 чел. Всего же за 250 лет, прошедших со времени присоединения Сибири к России и до начала XX в., число бурят возросло примерно в 10,6 раза; якутов – в 7,9; алтае-саянских народов – в 6,5; татар – в 3,1; хантов и манси – в 1,5 раза. Приведенные цифры, разумеется, не означают, что у всех народностей Сибири прослеживается тенденция к увеличению численности. Так, например, за этот же период число юкагиров, ительменов, ненцев не возросло, а, наоборот, уменьшилось. Однако отнюдь не каждый факт сокращения численности аборигенов следует рассматривать под углом их вымирания. Известную роль в подобных случаях играли процессы миграции и ассимиляции, особенно усилившиеся по мере притока в Сибирь русского населения. Эти наблюдения подтверждаются свидетельствами современников и значительным распространением среди аборигенов русского языка и языка соседних, более крупных народностей. По материалам первой Всероссийской переписи населения 1897 г., количество «инородцев», признавших своим родным языком русский, по отношению ко всем коренным жителям данной губернии или области выглядит следующим образом: Тобольская – 3,4 %; Томская – 2,2; Енисейская –

10,6; Иркутская – 12,2; Забайкальская – 13,3; Якутская – 0,1 % [Головачев 1902а: 58, 64, 68]. На это же указывают многочисленные свидетельства миссионеров.

В итоге отметим, что русская колонизация оказала колоссальное влияние на развитие этнодемографических, экономических, социокультурных процессов за Уралом. Процесс «собирания земель» привел к возникновению одной из важнейших исторических особенностей России – образованию диполя «Европа – Азия». Имперское ядро, зародившись на европейской части страны, шло на восток, а русские переселенцы, в отличие от западных мигрантов, не только не теряли связей со своим отечеством, но, наоборот, способствовали большему сплочению окраин с «исторической» Россией [Горизонтов 2001: 130]. Процесс «поглощения» имперским ядром окраин сопровождался интенсивным имперско- и нацстроительством, которые развивались и взаимно дополняли друг друга. Все это, независимо от желания или нежелания властей, объективно способствовало упрочению империи и должно было обеспечить ее стабильность на перспективу. Фактор фронта как граница между цивилизованным и нецивилизованным пространством не только не разделял, но, наоборот, способствовал сближению окраин империи с историческим ядром государства [Резун, Шиловский 2005; Агеев 1997].

Литература

- Агеев А. Д. Американский «фронт» и «сибирский рубеж» как факторы цивилизационного разлома / А. Д. Агеев // Американский и сибирский фронт. Вып. 2. – Томск, 1997. – С. 30–36.
- Агеев А. Д. Сибирь и американский запад: движение фронтов / А. Д. Агеев. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2002. – 294 с.
- Глейнер А. Сибирь, Америка будущего: по сочинению Джона Фостера Фразера / А. Глейнер. – Киев: Тип. Петра Барского, 1906. – 62 с.
- Головачев П. М. Взаимное влияние русского и инородческого населения Сибири. Кн. 2–3 / П. М. Головачев // Землеведение. – 1902а. – С. 53–68.
- Головачев П. М. Сибирь: Природа. Люди. Жизнь / П. М. Головачев; изд. Ю. И. Базановой. – М.: И. Н. Кушнерев и К°, 1902б. – 300 с.
- Горизонтов Л. Е. Большая русская нация в имперской и региональной стратегии самодержавия / Л. Е. Горизонтов // Пространство власти: исторический опыт и вызовы современности. – М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. – С. 128–149.
- Гумилев Л. Н. Люди и природа Великой степи / Л. Н. Гумилев // Вопросы истории. – 1987. – № 11. – С. 64–77.
- Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири XIX – начала XX века / Л. М. Дамешек. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1986. – 165 с.
- Дамешек Л. М. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.) / Л. М. Дамешек // Избранное. Т. I. – Иркутск: Оттиск, 2018. – С. 31–112.
- Дамешек Л. М. Российские окраины в системе внутренней политики империи XVII–XX вв.: концепты, закон и практика / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек // TERRA EURASICA: к 60-летию академика Б. В. Базарова. – Иркутск: Оттиск, 2020. – С. 83–105.
- История XIX века. Т. 1 / под ред. Лависса и Рамбо. – М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1938а. – 593 с.
- История XIX века. Т. 6 / под ред. Лависса и Рамбо. – М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1938б. – 673 с.
- Каменский А. Б. Элиты Российской империи и механизмы административного управления / А. Б. Каменский // Российская империя в сравнительной перспективе. – М.: Новое изд-во, 2004. – С. 115–139.
- Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение, история, распад / А. Каппелер. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 344 с.

Каппелер А. Формирование Российской империи в XV – начале XVIII века: наследство Руси, Византии и Орды / А. Каппелер // Российская империя в сравнительной перспективе. – М.: Новое изд-во, 2004. – С. 94–115.

Козьмин Н. Н. К вопросу о «вымирании» инородцев [Ст. из «Областного отд.»] / Н. Н. Козьмин // Сиб. записки. – 1916. – № 2. – С. 99–108.

Лысенко Л. М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX в.) / Л. М. Лысенко. – М.: МПГУ, 2001. – 358 с.

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). В 2 т. 3-е изд., испр., доп. / Б. Н. Миронов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999 (Т. 1. – 548 с. Т. 2. – 583 с.).

Мурашев Г. Титулы, чины, награды / Г. Мурашев. – СПб.: Полигон, 2003. – 347 с.

Оланьон К. Сибирь и ее экономическая будущность / К. Оланьон; предисл. Фр. Пасси; пер. с фр. А. Д. Погрузова. – СПб.: Просвещение, 1903. – 252 с.

Резун Д. Я. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов / Д. Я. Резун, М. В. Шиловский. – Новосибирск: Сова, 2005. – 196 с.

Ремнев А. В. Имперское пространство России в региональном измерении. Дальневосточный вариант / А. В. Ремнев // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. – М., 2001. – С. 317–344.

Серебренников И. И. Инородческий вопрос в Сибири / И. И. Серебренников. – Иркутск: Автономная Сибирь, 1917. – 18 с.

Серебренников И. И. Буряты, их хозяйственный быт и землепользование / И. И. Серебренников. – Верхнеудинск: Бурят-Монг. изд-во, 1926. – 229 с.

Сигов В. В. Корпоративная этика сибирского чиновничества: автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. В. Сигов. – Иркутск, 2001. – 23 с.

Тарле Е. В. От редактора / Е. В. Тарле // История XIX века. Т. 1 / под ред. Лависса и Рамбо. – М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1938. – С. 14.

Цимбаев Н. И. Российская имперская государственность: к пониманию проблемы / Н. И. Цимбаев // Российская империя: стратегия стабилизации и опыты обновления. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004. – С. 15–32.

Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение: этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц / Н. М. Ядринцев. – СПб.: Изд. И. М. Сибирякова, 1891. – 308 с.

Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении: иллюстрированное 16 сибирскими видами и типами / Н. М. Ядринцев. – СПб.: Изд. И. М. Сибирякова, 1892. – 720 с.

Jefferson R. Roughing it in Siberia, with some account of the Transsiberian railway and the gold-mining industry of Asiatic Russia / R. Jefferson. – London, 1897. – 210 p.

The Encyclopedia Britannica. – New York, 1911. – Vol. 25. – P. 10–18.

References

Ageev A. D. Amerikanskij «frontir» i «sibirskij rubezh» kak faktory civilizacionnogo razloma / A. D. Ageev // Amerikanskij i sibirskij frontir. Vyp. 2. – Tomsk, 1997. – S. 30–36.

Ageev A. D. Sibir' i amerikanskij zapad: dvizhenie frontirov / A. D. Ageev. – Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. un-ta, 2002. – 294 s.

Glejner A. Sibir', Amerika budushchego: po sochineniyu Dzhona Fostera Frazera / A. Glejner. – Kiev: Tip. Petra Barskogo, 1906. – 62 s.

Golovachev P. M. Vzaimnoe vliyaniye russkogo i inorodcheskogo naseleniya Sibiri. Kn. 2–3 / P. M. Golovachev // Zemlevedenie. – 1902a. – S. 53–68.

Golovachev P. M. Sibir': Priroda. Lyudi. Zhizn' / P. M. Golovachev; izd. Yu. I. Bazanovoj. – M.: I. N. Kushnerev i K^o, 1902b. – 300 s.

Gorizontov L. E. Bol'shaya russkaya naciya v imperskoj i regional'noj strategii samodержaviya / L. E. Gorizontov // Prostranstvo vlasti: istoricheskij opyt i vyzovy sovremennosti. – M.: Mosk. obshchestv. nauch. fond, 2001. – S. 128–149.

Gumilev L. N. Lyudi i priroda Velikoj stepi / L. N. Gumilev // Voprosy istorii. – 1987. – № 11. – S. 64–77.

Dameshek L. M. Vnutrennyaya politika carizma i narody Sibiri XIX – nachala XX veka / L. M. Dameshek. – Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. un-ta, 1986. – 165 s. Dameshek L. M. Sibirskie inorodcy v imperskoj strategii vlasti (XVIII – nachalo XX v.) / L. M. Dameshek // Izbrannoe. T. I. – Irkutsk: Ottisk, 2018. – S. 31–112.

Dameshek L. M. Rossijskie okrainy v sisteme vnutrennej politiki imperii XVII–XX vv.: koncepty, zakon i praktika / L. M. Dameshek, I. L. Dameshek // TERRA EURASICA: k 60-letiyu akademika B. V. Bazarova. – Irkutsk: Ottisk, 2020. – S. 83–105.

Istoriya XIX veka. T. 1 / pod red. Lavissa i Rambo. – M.: Gos. soc.-ekon. izd-vo, 1938a. – 593 s.

Istoriya XIX veka. T. 6 / pod red. Lavissa i Rambo. – M.: Gos. soc.-ekonom. izd-vo, 1938b. – 673 s.

Kamenskij A. B. Elity Rossijskoj imperii i mekhanizmy administrativnogo upravleniya / A. B. Kamenskij // Rossijskaya imperiya v sravnitel'noj perspektive. – M.: Novoe izd-vo, 2004. – S. 115–139.

Kappeler A. Rossiya – mnogonacional'naya imperiya: Vozniknovenie, istoriya, raspad / A. Kappeler. – M.: Progress-Tradiciya, 2000. – 344 c.

Kappeler A. Formirovanie Rossijskoj imperii v XV – nachale XVIII veka: nasledstvo Rusi, Vizantii i Ordyy / A. Kappeler // Rossijskaya imperiya v sravnitel'noj perspektive. – M.: Novoe izd-vo, 2004. – C. 94–115.

Koz'min N. N. K voprosu o «vymiranii» inorodcev [St. iz «Oblastnogo otd.»] / N. N. Koz'min // Sib. zapiski. – 1916. – № 2. – S. 99–108.

Lysenko L. M. Gubernatory i general-gubernatory Rossijskoj imperii (XVIII – nachalo XX v.) / L. M. Lysenko. – M.: MPGU, 2001. – 358 s.

Mironov B. N. Social'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.). V 2 t. 3-e izd., ispr., dop. / B. N. Mironov. – SPb.: Dmitrij Bulanin, 1999 (T. 1. – 548 s. T. 2. – 583 s.).

Murashev G. Tituly, chiny, nagrady / G. Murashev. – SPb.: Poligon, 2003. – 347 s.

Olan'on K. Sibir' i ee ekonomicheskaya budushchnost' / K. Olan'on; predisl. Fr. Passi; per. s fr. A. D. Pogruzova. – SPb.: Prosveshchenie, 1903. – 252 s.

Rezun D. Ya. Sibir', konec XVI – nachalo XX veka: frontir v kontekste etnosocial'nyh i etnokul'turnyh processov / D. Ya. Rezun, M. V. Shilovskij. – Novosibirsk: Sova, 2005. – 196 s.

Remnev A. V. Imperskoe prostranstvo Rossii v regional'nom izmerenii. Dal'nevostochnyj variant / A. V. Remnev // Prostranstvo vlasti: istoricheskij opyt Rossii i vyzovy sovremennosti. – M., 2001. – S. 317–344.

Serebrennikov I. I. Inorodcheskij vopros v Sibiri / I. I. Serebrennikov. – Irkutsk: Avtonomnaya Sibir', 1917. – 18 s.

Serebrennikov I. I. Buryaty, ih hozyajstvennyj byt i zemlepol'zovanie / I. I. Serebrennikov. – Verhneudinsk: Buryat-Mong. izd-vo, 1926. – 229 s.

Sigov V. B. Korporativnaya etika sibirskogo chinovnichestva: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk / V. B. Sigov. – Irkutsk, 2001. – 23 s.

Tarle E. V. Ot redaktora / E. V. Tarle // Istoriya XIX veka. T. 1 / pod red. Lavissa i Rambo. – M.: Gos. soc.-ekonom. izd-vo, 1938. – S. 14.

Cimbaev N. I. Rossijskaya imperskaya gosudarstvennost': k ponimaniyu problemy / N. I. Cimbaev // Rossijskaya imperiya: strategiya stabilizacii i opyty obnovleniya. – Voronezh: Izd-vo VGU, 2004. – S. 15–32.

Yadrincev N. M. Sibirskie inorodcy, ih byt i sovremennoe polozhenie: etnograficheskie i statisticheskie issledovaniya s prilozheniem statisticheskikh tablic / N. M. Yadrincev. – SPb.: Izd. I. M. Sibiryakova, 1891. – 308 s.

Yadrincev N. M. Sibir' kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii: illyustrirovannoe 16 sibirskimi vidami i tipami / N. M. Yadrincev. – SPb.: Izd. I. M. Sibiryakova, 1892. – 720 s.

Jefferson R. Roughing it in Siberia, with some account of the Transsiberian railway and the gold-mining industry of Asiatic Russia / R. Jefferson. – London, 1897. – 210 p.

The Encyclopedia Britannica. – New York, 1911. – Vol. 25. – P. 10–18.